

С М И Е Ш И А

19
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С М Е Ш А

В номере

С М Е Ш А

№ 19

Октябрь

1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Лев РУБИНШТЕЙН — Китайская земля.

★

В Харбине. Зарисовки с натуры художника
Г. Храпака.

★

Джон Б. ПРИСТЛИ — Трое в новых костю-
мах.

★

Ирина ИРОШНИКОВА — Саратовские де-
вушки.

★

Будущие киноактёры. Фото Г. Борисова.

★

В. ЛИФШИЦ — Песня о сельском учителе.

★

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ — Воспоминания о
Мамине-Сибиряке.

★

И. АРАЛИЧЕВ — Рязань.

★

Мысли и афоризмы.

★

О. ОЛЬГИНА — Фильм о смене.

★

Шахматы. Под редакцией гросмейстера
В. Смыслова.

★

В мастерских художников. Скульптуры
Е. Белашовой.

★

Календарь «Смены». Вокруг света. Голово-
ломка.

✽

Рисунки художников И. Гринштейна, В. Щег-
лова.

✽

На вкладышах: «ГОРЬКИЙ НА ВОЛГЕ» — кар-
тина художника В. ЦЫПЛАКОВА.
«ЛЕНИНГРАД» — фотозюд Б. КУДО-
ЯРОВА.

✽

На обложке: «ВАХТА У МАЯКОВ ПОРТА
ДАЛЬНИЙ» — фото Г. САНЬКО и М. РЕД-
КИНА.

Ткачиха фабрики Трёхгорная мануфактура комсомолка Евгения Памика.

Фото Г. Борисова.

Китайская земля

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСЕЙ

Из окошка «дугласа», летящего в Харбин, китайская земля кажется бездной. Зелёная пустыня — ни дома, ни человека, ни собаки.

Тянутся серебряные озёра разливов. В этом году летние дожди были особенно обильны. Дороги в Северной Маньчжурии почти непроходимы. Снегу видно, как будто трудилось дождь, была предельно высока температура воздуха, чтобы осадить эту бездорожье.

В зелёной степи желтеют пятна разбитых японских укрепительных районов. Трапезы, дзэты, подземные ангары. Зелёные союки, покрытые дремучими зарослями «теревки», или «тигровой», тайги, — они превращены в крепости, изрыты ходами сообщения, бетонированными точками, колодцами. В леску тут бьются просеки, продаваемые в виде пакетики и сапёрными частями. Столетние кедры превращены в щепь. Через болота настаны гай. Слово колоссальной буран прошёл через эти горные леса и открыл дорогу в тщательно заболоченную японцами Маньчжурию.

Но куда денешь людей? Только в районе Цианюся начинают мелькать китайские деревеньки, квадратные, обнесённые глиняными стенами, и отдельные хутора — «чжунань», — своеобразные племёнками самураев и биншюнов. Люди отсюда высланы. Но мысли японского командования, Северная Маньчжурия должна была состоять из трёх полдюжины: «кюэнго» (цель укрепрайона), «каюэнго» (дополнительная стена) и «санрюкю» (цель китайских возмездных поселков).

Куда ушли эти люди? Ответ даёт типичный японский укрепитель — сонка Идзуми в районе Хайляо. Вся сонка изрыта и превращена в крепость по полевой немецкой образцам. Здесь работало 30 тысяч китайских крестьян, мобилизованных в пограничных районах. По окончании работ они были расстреляны. Группы были сброшены в Амур.

Японская пропаганда торжественно назвала китайские работы «гёнкё» — жертвенные работы». На эти работы было мобилизовано китайское население целых округов от 20 до 50 лет. Корнями работа одной каппы из чжуня. Лагерь состоял из тринадцати барачков, увенчанных жёлтыми флагами Маньчжоу-Го. Непокорных и подозрительных заключали в «любу» — ещё более страшные барачки, где работа шла от рассвета до заката, иногда по ночам. «Любу» были расчистаны сыпучей тайги, холеры, даже проказы.

— Срочная работа, — сказал один из плеших японских командованных такого лагеря, — очень знаете, срочная работа по укреплению обороны империи. Знаете, не было времени следить за гигиеной. Маньчжурия — очень грязный народ... И бывший командант вежливо улыбнулся.

Следует заметить, что никаких «маньчжур» уже давно в природе не существует. «Маньчжурами» был объявлен 30 миллионов китайцев, живущих в Маньчжурии. Им вешались уши, чтобы они не китайцы, кто у них свой собственный император (император Ю И) и свой собственный жёлтый флаг, похожий на флаг чжунго карантина.

Барачки завалены открытками с изображением вокаса счастья, войны, урожая, фотокарточками маршротных генералов, полков, войсковых манифестов и т. д. От барачка твист струей прочной, застывшей вони.

В некоторых лагерях после секретных работ китайцам привывали сыпучий тиф. Когда мы спросили об этом у японского офицера, он немедленно изобразил на лице улыбку.

— Мы не можем отвечать за китайские болезни, — сказал он, — для китайца тиф — всё равно, что для культурного человека — оспа.

На пути от Харбина к Чанчуню мы ждали в китайские деревни. По какой-то странной случайности мы повсюду наткнулись на следы профессии. Трапезы барачники, заваривали просяные хлопья. Повсюду на бамбуковых плочках трепетали советские и китайские флаги.

— При свидании не было свиданья, — объяснили нам. — Теперь свиданья за всё время справляем...

Японцы запретили китайцам передавать. От деревни до деревни можно было ездить только с разрешения японского советника, вынеси из себя японский флаг. Обычному рабочему охлад солдат. За «право передвижения» солдат брали зянку: иногда — продукты, иногда — деушкой...

На станции Таюйчжун мы встретили смилдоу, которая велела на деревню риску воевать под парозом. У носеты была брита голова.

— Тиф? — спросили мы.

— Нет. У них в деревне японцы остригли волосы женщины. Это для навабки японцам. Жергвудка стрижка...

Японцы тщательно отбирали у крестьян урожай. На едока оставалось не больше 15 кило чжуня и мешок овсяной в мешок. Все лошади и коровы конфисковали. Китайцам запрещали есть рис. В Мукдене было арестовано и усталено несколько партий за то, что у грабителей у них были обнаружены засохшие рискины. В Мукдене, сказал плеший капитан Ари, сохраняя на лице улыбку: — если рис идёт от китайской пшени, то они больше любят собачье мясо, чем рис...

Я спросил об этом у сторожа на станции Мунань.

— Собачка — поганая еда, — сказал он, — но и собачку кушали. А шкуру японцы брали в жертву. Они делили из неё перчатки.

На пути от Харбина к Чанчуню повсюду движется между сплошными стенами высокого галлона. Бросятся в глаза необыкновенная стройность засева. Буржуйские метелки голландца тянутся ровными шерегами. Их не сеют, а скакают — алмазый кустик отдалены с помощью ручной мотыги. Трудоёмкость китайского земледелия поразительна.

— Китайский труд, извините, — дешёвый труд, — говорит японский администратор. — Китайцев очень много, их труд стоит «фёнь» (копейки). Вообще они суть малокультурная раса, не так ли?

Среди японских офицеров и чиновников существует твёрдое убеждение, что китайцы суть быдлота, что «во китайях везде хаос». Один плеший офицер, видимо, из любезности сообщает нам, что управлять могут только «бёль»... и японцы. Прочие «китайцы» годятся только для подчинения. Глубокое презрение ко всему китайскому пронизывает исключило японской военизации и колониальных искателей ялвямю.

Японцы обвешали всю страну дубочными картинками, изображающими японских генералов, кораблей, полубогов и героев древности, знаменитых гайи и смертников. Среди оков японские офицеры розовых френчей, подальших синглет, нуфеню не годных заглажок и сумок из древесной ткани — горло вешали красные с золотом крыш и миссовые кисти огромных дворцов, храмов и мотга Мукдеча. Странным велением цивилизация с презрением смотрит на японских завоевателей и торгашей.

С величайшим спокойствием расквашивает деревенский старики:

— Было много Тянов в Шугуи. Самые большие плеши плеши человек. Японцы нас выселили с земли. Нам жаловали по пяти копей за акна, а настоящая цена — тридцать — сорок копей. Но мы не хотели ни уходить, ни брать деньги за землю, которую отдавали. Тогда рассредоточил семь человек, из них трое были старики. Я бежал в Гириш.

— А теперь вы вернулись?

— Как же! Здесь могилы прекаю. Нам отсюда уходить нельзя...

Что знает, что ожидало бы китайского лесоруба в Маньчжурии, если бы не дробил чжунянской военизации? Красная Армия вошла в Маньчжурию, и многолетние цены; которые владели эта страна под властью разных японских и китайских авантюристов, рассматривали. На станциях Юйюэ-Юйюэ Маньчжурской железной дороги мелькают фигуры китайцев с повязками, на которых иногда неуклюже написано по-русски: «Джуэруй на станции», «Начальные дела», «Джуэруй».

Эти новые работники дороги. Некоторые из них были в Маньчжурии, когда она была японской колонией, но затем были «квантунцы» на роль стрелочников, смазчиков, сторожей. Китайцы не могли занимать сколько-нибудь значительных постов под гордой маркой «Манчжу» (ЮМЖД).

Сейчас они вернулись на свои посты, заместив бежавших японцев. Среди них есть люди, которые вылигнуты будьяны в последние дни. Джуэруй по станции Сюйюэ-Маньчжурской железной дороги. Командант станции, бывший советский сержант-железнодорожник, отзывается о его работе с большим уважением.

— Мой друг и первый помощник, — говорит он. — Нах, советских, здесь трое, но и австралийцев, немцев. Технически справились у них тоже имеется, они здорово способный народ по части техники!

Народ приветствует освобождёителей. Нет лучшей землемы в деревнях Маньчжурии, чем крестьяне. Техники справились у них тоже имеется, они здорово способный народ по части техники! Народ приветствует освобождёителей. Нет лучшей землемы в деревнях Маньчжурии, чем крестьяне. Техники справились у них тоже имеется, они здорово способный народ по части техники! Народ приветствует освобождёителей. Нет лучшей землемы в деревнях Маньчжурии, чем крестьяне. Техники справились у них тоже имеется, они здорово способный народ по части техники!

Народ приветствует освобождёителей. Нет лучшей землемы в деревнях Маньчжурии, чем крестьяне. Техники справились у них тоже имеется, они здорово способный народ по части техники! Народ приветствует освобождёителей. Нет лучшей землемы в деревнях Маньчжурии, чем крестьяне. Техники справились у них тоже имеется, они здорово способный народ по части техники!

Мы видели в Харбине первую китайскую демонстрацию. Под громы ораторов на площади выстроились красные и синие с оленем флага. Огромные портреты товарища Сталина и Сунь Ят-сена плыли над людьми, одетыми в синие джунгли и конические соломенные шляпы. Местные арестованные с ужасом перелгивались!

— Фуаудьяль адгё!

Шло китайское предместье Харбина, шли люди, которым десятилетиями не разрешалось походить на щельские проспекты нового города.

Демонстранты шли мимо трибунов, на которых находилось советское командование, и на их смуглых лицах шло несомненное восторг.

С трибуны доносился до нас слова на русском языке:

— Чжунго-ини вансуй! (Да заравствует китайский народ!)

— Мушюнь вансуй! (Да заравствует китайский народ!)

Трестали тысячи флажков в руках китайских школьников. Живые чёрные глаза делят радостно блестяе. Большея ярнее цветы маньчжурской осени плыли к родножю трибуны. Старик в громадных соломенных шляпах, размахивая флажками и ступая так пышно, как будто старались оставить отпечаток своих дерзостных санкций на ранее злерегитых для них камнях «серебряной» чести города.

Возвук адрагвал от могучего «Хаю!» Котор шёл по китайской земле!

В Харбине

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ ХУДОЖНИКА Г. ХРАПАКА.

Уличная сцена.

«Лимузин».

...Большие европейские кварталы. Сиученные, с грязными лачугами китайские улочки. Шушма, пестрая толпа, суета-поездка крупного города. Отгулают крики ремешей, перебранка прохожих, зевая. Невообразимые лохмотья, а ряды пшениные попугаино-эриные шёлковые халаты. Среди торгового люда спуют фокусники, авантюристы, люди самых неопределённых профессий... Таковы улицы Харбина — города контрастов. Помещаемые здесь рисунки Г. Храпана, художника студии имени Грехова, запечатлели несколько харбинских уличных сценон.

Китайская покупка.

У лотка торговца сладостями.

В ожидании покупателей.

Третье в новых костюмах

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Рисунки И. Гринштейна.

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Эта глава не является лучшей в моём романе. Но её можно считать наиболее удачным целым отрывком, в котором содержится полный эпизод.

Герои в романе символически, так как они представляют новое поколение в Англии, которое уже никогда не вернётся к заблуждениям и идиотизму довоенного периода.

Я надеюсь, что молодые читатели журнала «Смена» заинтересуются этим эпизодом, дающим представление о послевоенной молодёжи Британии.

Джон Б. Пристли в Москве.

Фото В. Репина.

Герберт Конфорд, фермерский сын, тот из трёх, который был в сером костюме — он всё ещё носил его, — сидел в кухне фермы «Четырёх ячменей», болтая со своей матерью. Это было на следующее утро после его приезда домой. Мать его, разумеется, была занята — она всегда была занята, — но, сутелась полове огромной старой памяти, она в то же время могла говорить и слушать, и она настояла на том, чтобы Герберт остался поговорить с ней. Последний ребёнок, он был её любимцем.

— Мне бы хотелось побывать в тех местах, — сказала она задумчиво. — Твой отец всегда был домоседом. А меня тынулос посмотреть на разные места.

Это было действительно так. Где-то глубоко в этой пыльной, степенной женщине притаилось не совсем ещё забытое, пыльное, живое дитя, мечтающее о далеких путешествиях и чудесах.

— Когда ты писал о том, что ты видел, твой писемца, Герберт, были такими интересными. Я по многу раз перечитывала их.

— Что же, раз так жаль, что я не писал писемца подлиннее, — провозил Герберт, который очился, когда свою мать. — Но это было тяжело, и нам не давали писать о многом.

Она кинула, потом улыбнулась ему:

— Но теперь, когда ты вернулся, ты мне можешь рассказать обо всём.

— Мне кажется, мне следовало бы здесь «чем-нибудь» заняться, — сказала Герберт.

Он был серьёзным и рассудительным молодым человеком, и он не забывал, как много сил требовалась работа на ферме.

— Что ты? Ведь ты только что вернулся. Совсем не нужно, чтобы ты сразу брался за работу. Тут за всем хорошо присматривали. Видишь, сегодня всё делал в том, что отец и Артур ушли утром в Лэмбери. У них там дело есть.

— Что это за дело?

Мать взглянула на него. И этот взгляд, замешательный и в то же время ясный, Герберт помнил ещё с детства. Годы не изменили её.

— Ты, может быть, узнаешь, сегодня за ужжином. Придут Артур и Филлис и двоюродная сестра Филлиса, Эдла. Поминишь её?

Он нахмурился, может быть, потому, что в её голосе было слишком много ласкательства.

— Да, я помню её, но зачем же ей приходишь сюда?

Ну, им всё же думали, что ты заколешь спит, увидать её. Она была славною девушкой, — она озабоченно взглянула на него: она ждала, что он скажет что-нибудь, но он молчал. — Ты ведь не забыл себе никакой девушки, Герберт?

— Нет, конечно, нет. Где бы это я мог завести себе девушку? Оставь, мама.

— Хорошо. Я думала, может быть, одна из этих...

— Этот номер не прошёл бы. — Я не жалел об этом — при том, что я видел и слышала о некоторых из них: курят и пьют, ругаются и гуляют. И как эти они могут думать, что они сумеют как следует воспитывать детей, вести хозяйство, если они так ведут себя? Я очень рада, что ты не имел дело с ними. Она, конечно, дурака.

— Матушечка, послушай, что это так. Ах, как бы там ни было, — продолжала он быстро и резко, так как мать хотела прервать его, — я не «заводела» себе, как ты это называешь, никого, да я не собираюсь.

И в этот момент перед его взором, словно на далекой освещённой сцене, возник маленький светлый образ той наглой вызывающей девушки, которую он встретил в Лэмбери.

— О чём ты думаешь? — спросила его мать, пытаясь взглянуть на него.

— Я подумаю о тех двух парнях, с которыми я вернулся, — объяснила он, и в этом была доля правды, потому что они тоже были тогда в баре вместе с ним. — Об Аллане Стрите из Суонсфорда и об Эдле Моад.

— Если хоть половина того, что я слышала об этой миссис Моад правда, — сказала миссис Конфорд, — тогда мне жаль его. Одна из тех самых, которые бывали в «Солнце» или в «Руно» и водили к себе мужчин.

— Если это правда, тогда мне жаль и её тоже, — мрачно заметила Герберт. — Если уж Моад разойдётся, его не оставишь. Я однажды видел, как он признался за парочку эссонсов, которые думали, что до них не доберётся, пока за это не признали дружинке Эдды.

— Этот мистер Стрит, — продолжала мать, — должен был, как мне кажется, сделаться офицером.

— Это звучало так, как будто Аллан по крайней мере забыл, что он такой.

— Он мог, и не один раз, но захотела остаться с ребятами, которых хорошо знал. Вот как получилось, что и я так долго был капралом. Он был моим сержантом. Я предпочёл оставаться вместе с ним, так что и устранился так, чтобы не получить ещё одну нашивку.

— Это удивительно, Герберт, мне и в голову не могло бы прийти, что он может быть тебе товарищем.

— Он был моим товарищем там...

— Ты увидишь, что здесь это будет совсем иначе, — сказала мать. — Эдла Моад, мистер Стрит — ни один из них здесь тебе не товарищ — никогда не был, никогда не будет. Получай об этом, Герберт.

Он кинула, потом поднялась:

— Пойду пройдуся, посмотрю. День снова хороший.

— Я бы хотела, чтобы ты остался поговорить со мной, но если ты хочешь выйти, или. Но не забудь, Герберт...

— Что не забыть?

Он подождал на пороге.

Теперь ты вернулась из армии. Вернулся, чтобы всё было хорошо, и надеюсь, и я хочу предупредить тебя. Я думаю, тебе приходится слышать тех авдей, которые говорят, что теперь, после войны, здесь будет всё иначе. Мы тоже слышали, никогда даже по радио. Раньше я не знала... Вся эта болтовня! Если не потерял, чтобы опять было это, чтобы опять было то... Но теперь-то я знаю, что не будет моего иначе, чем было раньше. Люди опять разделяются. Они уже разделялись. Так и должно быть, разве нет? Я только хотела предупредить тебя, вот всё.

— Я не спорю, мама, — промолвила Герберт. — Но почему ты хочешь предупредить меня? Какое это имеет отношение ко мне?

Она внимательно посмотрела на него. — Ты помнишь что мыла высушивалась, Герберт, но я думаю, ты сильно изменилась. Ты во многом похожа на отца. Такой же упрямый, если тебе взбрёт что-нибудь на ум. Надаром у вас обоих этот нос.

— Я не знала, что я изменилась, хотя и не удивительно, если это так. Я имею в виду, что я стала на несколько лет старше, я побывала далеко, в Африке, видела многое. Ну и, понимаешь, иногда дела и висела также, что я никогда не думала увидеть или делать раньше. Но если даже я и изменилась, что из этого?

— Видишь ли, Герберт, всё, чего я хочу, — это чтобы ты была счастлива и хорошо устроена.

— Ну, что же, и я хочу того же, — сказала он, слегка нахмурившись, — хотя это уже очень много в жизни...

Он вышел во двор, где там же утренние лучи кулгана в истонченном обещании воздухе, и посмотрела по сторонам. Герберт было ясно, что дела на ферме идут хорошо. В это время старый Чарли, который ходил за коровами с тех пор, как Герберт помнил себя, хромая, вышел во двор. Чарли стал совсем старым и маленьким и напоминал сморщенного злослава ибало.

— Хороший день для работы сегодня, Чарли — сказала Герберт, предлагая старику сигарету. — Ведь хорошо живём?

— Как будто, — пробормотал старый Чарли. — У нас за это время хорошенько заработали на коровах, хотя и нет подходящего пастбища.

— Ты всё ещё ворчишь, Чарли. А ведь так хорошо тебе ещё никогда не жилось. Заработки-то выше стаки, а?

Старый Чарли покачал головой: — Заработки — это ещё не всё. Важно, что заработок приносит, вот как я смотрю на это.

— Я думаю, ты изменился, Чарли.

— Все мы изменились, и всё, куда ни глянешь, тоже изменилось или исчезло. Всё это как-то игра, мистер Герберт. Когда я начал жить, а это было задолго до того, как вы родились, я была тогда молодым и была, так сказать, в хвосте жизни, с несколькими пония в кармане. Так-то. А теперь я, старый Чарли, всё ещё в хвосте, с несколькими шпаллитами, — что правда, то правда. Но мяса, лива и табачку я получаю не больше, даже меньше. Я, можно сказать, рабочий человек. У меня нет ничего, что я мог бы назвать своим, понимаешь?

— Да, Чарли, продавай. Или ты хочешь?

Старик оглянулся, потом подступил из шпал и позвизг голос.

— Если бы устроена так, чтобы мне дали своё поле и скот, или если бы сделала так, чтобы я смотрел за целой сотней полей и за тысячным стадом и мог бы сказать себе: «Чарли, это принадлежит тебе так же, как и всем другим», — тогда,

видите ли, мистер Герберт, тогда бы я по-настоящему изменился, как бы это называли. И это было бы не игрой, а настоящим движением вперёд.

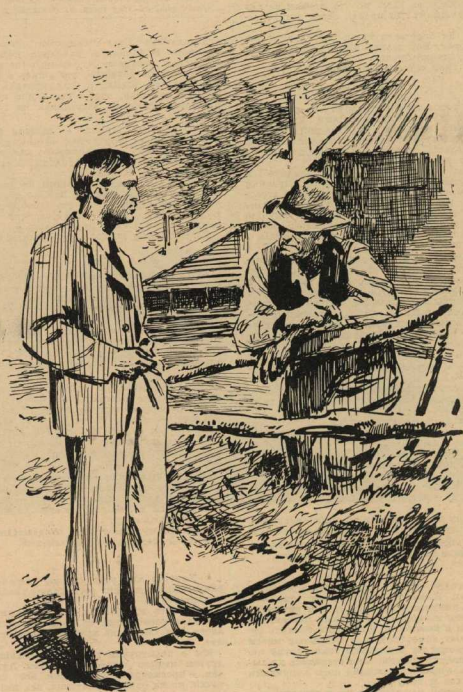
— Чарли! — воскликнула Герберт. — Я никогда не представляла себе, что делается у тебя в голове.

— Ну, — с некоторым самоудовольствием промолвил Чарли, — эта война многих изменила. Так как иначе, вы сами увидите, мистер Герберт, когда у вас будет время оглянуться и поглядеть на соседей, — эта война сделала из меня думающего человека.

— Я вижу это, Чарли. Тебе тутго приходится?

— Потом, — сказала Чарли не без самоудовольствия, — когда будет время, я достаю себе удовольствие и рассказываю вам ещё о многом; пока же, — и он опять ловящего голос, — пожелаю вам всего наилучшего в отношении здоровья и счастья.

Перевод с английского.

— Я думаю, ты изменился, Чарли.

Роман Дж. Б. Притти «Трое в новых костюмах» вышел в свет в апреле 1945 года. Это роман о демобилизованных из армии. Трое — это три молодых человека, только что вернувшихся с фронта. Они принадлежат к различным классам населения Англии, но их объединяет понимание того, что послевоенная жизнь не может идти по старым, довоенным путям. Новая жизнь должна быть основана на сотрудничестве всех людей. С одной стороны, герои романа повсюду встречают — это новое в сознании людей, с другой — наталкиваются на нежелание принимать это новое.

События романа развёртываются в очень короткий срок — всего в течение двух суток. В своём романе прозаик Притти интересно ставит некоторые актуальные для Англии проблемы.

САРАТОВСКИЕ ДЕВУШКИ

— Ты представляешь, Ирина! они не ходят идти в царя!

Гала Чиникова встала в партком красная, взбудораженная, в берет, обшившемся от волнения не сразу махнула.

— Нет, это неслыхание! Ты понимаешь, позавчера вечером они прятали от радости, услышав о царке, а теперь (я знала за ними чуткое ухо), чтобы успеть покинуть город! они отключили все, как одна. Ну? Что ты скажешь на это?

— А что они, собственно, говорят? Почему отключают?

— Говорят: «Им сейчас не до царя. Нам о доме подумать нужно да о своих родных. Мы уж лучше письма писать станем».

И, помолчав, подумала. — Хорошо, Гала, но что же нам делать с билетом? До начала всего минут сорок...

— Да билетом-то наши ребята вмиг разобрали. Но только билет остался, но я их у царя продал.

И Гала скрылась за дверью.

***

В город прибыл эшелон с молодыми колхозниками, приславшими из самых глухих деревень Саратовской области на работу в военной промышленности. Выбравшись из этих колхозниц попали на наш завод.

Мы основательно подготовились к встрече. Специально для них вытопили баню, сделали праздничный обед в столовой, убрали комнаты. На другой день, когда они, рассказав свои трудности, устроились и отдохнувшим, мы с парткомом Дарьи Борисовны пришли в общежитие.

Дарья Борисовна рассказывала нам о значении нашего завода для страны и для фронта, о том, что больше часть — в дни войны работать на нашем заводе.

Девушки внимательно, поучительно глядя в лицо говорившей, внимательно, домыслив, в смелых вопросах, в первых обязанностях вокруг них платочках.

— Все ли понятно, девушки? — спросила я. — Может быть, есть какие-нибудь вопросы?

Несколько минут было тихо, и только в дальнейшем уголке совещались о чём-то между собой.

Напоследок одна из девушек сказала, что после того, как кончится война, она вернется в деревню домой.

— Когда война кончится, ты, может, и сама домой возвращаться не захочешь, — рассмеялась Дарья Борисовна.

Нет, — увидев покатывая головой девушка, — разве это можно: домой не захотеть?

«Они поныли мыслями о доме, — подумала я, — нужно любить путями развивать их».

В воскресенье мы решили повести девушек в царя и потерпеть неудачу.

***

Сегодня первый раз девушки были в царях. Кажется, вполнакала тужило. Они панически боялись газа и начинали чихать и сморкаться в таких местах, где его и в помине не было. Они боялись огромных компрессоров и покрывали носом (несмотря на комбинатную повязку) колони синтеза. Они старались не дышать, усиленно зажимая носы кончиками платков и космочек.

— Почему мы застали их в горьких слезах. — Домой отправить нас, домой! — требовали они.

Книжка Ирины Ирошниковой называется «Где-то в Сибири...» В подзаголовке скромно сказано: «Из записок комсорга».

1947—1948 годы. Молодая инженер-проектировщик москвичка Ирина Ирошниковна вольной ассоциации заступила в балейки, изломанной сибирский город. Здесь она попадает на крупный химический завод, проводимый изю дня в день выключает завод Царьки.

В эти дни Ирина Ирошниковна становится комсоргом. Ювелирно тонко труд воспитателя молодого поколения рабочего класса. Ежедневно комсоргу приходится сталкиваться с десятком малых и больших проблем, из которых каждая в первое мгновение кажется неразрешимой.

Ниже мы публикуем отрывок из книги, написанной об этих днях И. Ирошниковой.

Догдаивая Гала Чиникова привела билетика. В коридоре началось танцев, заучивая знакомые и альбомные песни...

Саратовские девушки, запершись в своих комнатах, затыкали уши, прятали головы в подушки, чтобы назойливо врвавшиеся звуки не расселивали их горькую печаль.

— Слушай-ка, Ирина, — сказала мне партгор Дарья Борисовна, вынимая записную книжку, — я специально для тебя написала выдержку из выступления Михаила Ивановича Калининна:

«Юноше, девушке, уехавшим из деревни, первое время кажется тужило в городе. Им все страшно, — я это говорю по собственному опыту, — кажется, стоишь ты пошла в совершенно другой мир».

Да, выдержку партгор подобрала точно.

***

— Ну вот, а теперь смотри! — он наливает из аппарата полное ведро жидкого воздуха и распыляет его. Это совсем, как колдовство: ахляющая из ведра глумоватая жидкость, чуть достигнув пола, разбегается по нему бешеными барашками испарения и мгновенно исчезает.

Это Яна Горин — мастер цеха № 10 — проводит занятия с саратовскими девушками.

Как увлекательную сказку, рассказывает он им, что из воздуха, из того самого воздуха, который окружает нас и привычен нам настолько, что мы даже не замечаем его вот в этих колоннах и аппаратах, люди научились делать сырье для бобринского, страшной силой порожаящих ветра.

Они слушают как будто внимательно, но никогда не задают вопроса и, едва кончается лекция, мгновенно расходятся по длинным коридорам, избегая лишней Ряз пройди по цеху.

Попробуем они упорно отключаются от кино и всех других развлечений.

***

— Хочется мне устроить им встречу с рывниками из нашего госпиталя, — сказала я.

— Ну что ж? Только, знаешь, ну надо покатать кого-нибудь из Саратовской области, они «земляки» лучше слушать станут.

Мы с полтрукком госпиталя — большим другом нашего завода, Михаилом Лукичем, — просмотрели все списки, все карточки, но ни одного саратовца, как назло, не обнаружили.

— Почему смущение? — сказал присутствующий при этом лейтенант Федя Карнаух. — В моем подразделении почти

словно саратовцы были. Я все их покатки знал. Побеседуем с ними — будешь уверена!

***

Сегодня Федя со своими госпитальными другом, балнетком Мишей, прибыл в общежитие. Сперво все было, как всегда. Да играли баян, с шутками и смехом выслушивали в коридор наши девушки, а саратовские сидели по комнатам. Но Федя не расставался. Он ходил из комнаты в комнату, смешил девчат. Каждой он умея сказать что-нибудь забавно, к чему нельзя было остаться равнодушной.

— Что мне твоё имя, знакомое, черт побери! — говорил он Анне Лукничной. — У тебя на фронте брата нет?

— Есть, — краснея, отвечала Аня.

— Не Васей звать? — осведомилась Федя.

— Васей. — Ну, значит, это он и есть! У меня в подразделении сражался, Иполончик, боевой парен! — так серьезно вспоминала Федя, что трудно было понять, выдумывает он или говорит правду.

Мало-помалу девушки окружили Федю. Он рассказывал им о первой боевом крещении.

— Странно? — спрашивали саратовские. — Странновато, — раздумчиво отвечала Федя, тут, знаешь, что можно? Работу иметь. Я вот так думаю: конечно, если ты стоишь, сложа руки, а немцы тебе минами забрызгают, будь ты кто самый первый герой — всё равно правду дашь. Но если руки дела толма (неважно — хоть патроны подносил, хоть батарею командовать, хоть пушку чинишь), куда и страх девается!

— И ты работы коих дождут, — фыркнула одна из саратовчанок.

— А от безделья и муки мрут, — отпарировала Федя под общий смех. — Ну, а теперь вы мне про себя расскажите. Как вы работаете?

Девушки переглянулись.

— Ну, что скромничаете, — унималась Федор. — Такие девчата, крепкие да красивые, и чтоб не порны стахановки были — не поворю!

Девушки несколько смущенно объясняли, что на заводе они недавно. Уходя, Федя обещала им в следующий раз захватить с собой «землячков» из госпиталя. Провожая их его турбкой и просили захватить почасе.

***

Для саратовских девушек мы выделали наших лучших агитаторов: задуливая, мечтательная Гала Чиникова читала очень много и так умеет рассказывать, что даже самые худоглазые ребята заслушивались ее историей. Ида Горин — их наставник и подполк в цехе № 10. Но странно, все они жалуются в один голос:

— Ничего не слушаешь, и видно, что только о своем думаю.

Аишь, секретарь заводоуправления, охотно беседует с саратовскими.

А девушки, встречая её на заводе, дружелюбно шепчутся с ней:

— Слушают они тебя? — спросила я как-то Ваю.

— Да, — она удверительно кивает головой.

— А о чём ты разговаривала с ними в последний раз?

— Да так, о заводе, о городской жизни...

***

Сегодня мне довелось воочию ознакомиться с валиным методом.

«Горный на Волге».
Картина художника В. ЦЫПЛАКОВА
(Из работ, подготовленных к Всесоюзной
художественной выставке).

Вечером я на минутку забжеваю в общежитие. Из одной неплотно приоткрытой двери слышались громкий голос Валя. Я заглянула: комната было полна народу.

В центре, у стола, стояла полураздетая Паша Касьянова, а Валя накаймывала на ней какуто-то кофточку.

— Вот здесь мы сейчас небольшие портеры, — говорила она тоном опытной портнихи, — из этого белого полотна. Здесь косяе вытатики, и ты сможешь носить её даже поверж юбки. Ну-ка, Аня, подержи ей зеркало. Кто на очереди?

Следующей была маленькая, круглая Надя Фодотова. Валя накинула на неё длинные, бесформенные ещё полотнаща будущего платья.

— А у меня и передевать нечего, — вздохнула кака-то из девушек.

— Ну, ничего! — утешила Валя. — У нас на заводе часто ордеря даю, особенно в пехах. В прошлом раз одна девушка-слесарь — Аня Кутузова — была премирова- на отрезом швиота на костюм. Качество бесподобное! Повернись-ка, Надя, — и она, ловко орудуя иглодой, продолжала свой рассказ. — Шила её в нашей мастерской. Сидит, как вылитый. Надева она его — красавица да и только! Ну-ка, подними руку, вот так. А сейчас ей туфли даю.

— Ну, нам не дадут, — произнёс чей-то голос.

— Конечно, — подтвердила Валя, — ордеря в первую очередь за хорошую работу даю, а наша Аня работает замечательной! Её весь город знает. Про неё даже в «Комсомольской правде» написали.

Девушки с интересом слушали Ваю.

«Вот вам и Валя, — думала я, возвращаясь домой, — наша-таки путь к женскому сердцу!»

***

Сегодня в общежитии состоялся первое званые хорового кружка. Желавших петь оказалось много. Даже ребята, и те подтягивали ломкими, молодыми голосами. А саратовские опять остались в стороне.

Они сидели в своих комнатах, слышались по коридору, а самые любознательные стоялись у дверей красного углака и шепотом повторяли слова песни.

В это время со двора вбежала лучшая пувурия и пласнула из саратовских — Саша Сикорова — и, не разобравшись в обстановке, сразу метнулась в самую середину хора.

Когда Саша подхватывала чистым и звонким голосом знакомый мотив, произошла страшная вещь: ушедшая в центр кружка певую сестину кофточку, осторожно, одна за другой саратовские стали присоединяться к хору.

Выявист затнута уже знакомую всему общежитию песню, которую саратовские частенько пели по вечерам у себя в комнатах:

«Каленка, маляника мой,
В саду ягодка-каляника мой...»

Хор подхватила дружно.

***

Мне давно хотелось поговорить с Аней Лукиной. Эта девушка вызывает симпатию. Высокая, задумчивая, спокойная, она как-то выделяется среди всех и, видимо, пользуется авторитетом.

Сегодня я достигла Аню Лукину неладно к заводу, и мы вместе отправились в общежитие.

— Аня, — сказала я ей, — вот у тебя брат на фронте, защищай родину. И у других девушек есть братья, друзья. Вы вот плохо учитесь работать, а на заводе не хватает рабочих рук. Мы из-за этого можем плавна не выполнять, то есть не доставим фронтникам — твоему брату,

Комсомольское собрание.

Рисунк художника В. Щеголова.

например, — бесприпасов. Как ты полагаешь: кто будет тогда виноват? Думала ли ты когда-нибудь об этом? Скажи мне.

Аня растерянно захопала густыми ресницами:

— Да и ничего, я бы стала работать, многие бы стали, а другие говорят: «Будете работать хорошо, вас домой не отпустят». Как же так они уедут, а нам всю жизнь тут оставаться?

— Да кто вас держать станет? — говорю я. — Война кончится — вернутся с фронта умелые рабочие. Захочешь — домой вернешься, не захочешь — останешься; или уишься пойдешь, дорог много, и все в твоих руках.

Долго мы ходили с ней по заснеженным улицам маленького городка. О многом было переговорено, многое понято и решено.

***

Сегодня мы приняли в комсомол саратовскую девушку Аню Лукину.

После нашего задуманного разговора дальнейшее событие разворачивалось так.

Моё предложение о том, чтобы Аню Лукину, Пашу Касьянову и Асю Генералову поставить на рабочие места, начальник цеха встретил в штыки. За помощью

пришлось обратиться к главному инженеру.

Саратовские девушки стали на рабочие места. Аню прикрепили к машинисту Дусе Окуневой.

— Смотри, Дуся, это — твоё комсомольское поручение, — предупреждали мы. — Через месяц Аня должна знать компрессор, как свои пять пальцев!

А через некоторое время у проходной и в общежитии появились яркие молнии:

«Молодёжь! Равняйся по лучшим!»

Из группы саратовских первыми слали на IV разряд и получали право самостоятельной работы Лукина, Генералова, Касьянова. Экзамен ими сдан, и всем трём присвоено звание машинистов. Мы решим торжественно отметить это событие.

Этим же вечером в общежитие пришла из госпитала Федя Карнауш с друзьями. Прочитав «молнии», он во всеуслышание поздравил девушек:

Я так и знала, что не подкачаете! Ну, Аня, затвора же ильну твоему брату, какаю у него сестра и что у неё за подружки.

Потом начался настоящий бал, и в первый раз за много дней опустели комнаты, потому что и саратовские отпоясывали вместе с нами, заводскими.

Будущие

На актёрском факультете Всесоюзного государственного института кинематографии занимается около ста талантливых девушек и юношей. В творческих мастерских, которыми руководят известные киноартисты и режиссёры, они овладевают всеми тонкостями актёрского искусства.

На наших снимках — будущие киноактёры. В верхнем ряду (слева направо): студентка 1-го курса Валентина Ушакова (мастерская заслуженного артиста РСФСР В. В. Ваннина), дипломица Лидия Драновская (мастерская Б. В. Бибинова и заслуженного деятеля искусства О. И. Пыжовой), студентка 1-го курса Вера Малькина и Яков Енча Клавдия Лепанова (мастерская заслуженного деятеля искусства С. А. Герасимова). В нижнем ряду: студент 1-го курса Юрий Чакулов (мастерская В. В. Ваннина), студентка 3-го курса Клара Лучко и Евгений Моргунов (мастерская С. Герасимова), студенты 1-го курса Анна Кобзова и Игорь Бизяев (мастерская В. В. Ваннина).

КИНОАКТЕРЫ

В. ЛИФШИЦ

ПЕСНЯ О СЕЛЬСКОМ УЧИТЕЛЕ

*«Может быть, не думать нам о славе
И тогда сама она придёт...»
И. Ушков.*

1

Бор всё безмолвней,
Речка всё туманней,
Всё вневственной гулевы камыша...
Дальким голосам воспоминаний
Выныкает просветлённая душа.
Семь долгих дней
Средь сумрака лесного
По кочкам, бурелому и кустам
Мы здесь бродили некогда.
И снова
Мне суждено
Пройти по тем местам!
Но я не потерю един.
И я не волён,
Чтобы опять шагал, дышал и жил
Мой старый друг —
Лихой комбат Поболони.
О нём я песни даже не сложила...
А он любил
Сильней всего на свете
Шум камыша,
И речку на рассвете,
И синие, туманные зёса,
И птички — перед зорькой — голоса...
Пылкий,
Щедрый,
Хладнокровно деркий,
Мой старый друг,
Он воюсе не был стар.
Давно ль носил он галстук пионерский?
Давно ль водил друзей в песчаный яр?
Давно ль бросал
С задочки на папашку
Горячую пепельную картонку?
Давно ль искал на карте города,
Откуда смерть пришла потом сода?
Здесь родина комбата,
Здесь когда-то
Он бежал в школу.
Утречком.
В мороз.
Тер коким снегом побелевший нос.
Провозглашала, вадю: «Держись, ребята!
Сергей Петрович следает опрос!»
И здесь я в нём нашёл второго брата,
Когда по чёрным, ваджисным кустам,
По тем же самым, памятным местам
Он вёл нас в бой
И привял смерть солдата.
Он с нами не отраздиовал победу,
Но свет её мердал ему во мгле.

«Откуда в нём была такая сила?» —
Настойчиво душа моя спросила.
И я опять решила пройти по следу
Его короткой жизни на земле.

2

Он прожил двадцать лет.
И если взвесить,
То ровно половину,
Ровно десять.
Учился в школе.
А из них семь лет
Вот в здешней,
В сельской,
В той, которой нет...
Куда же делась?
— Немцы подпалани...
— А где учитель?
— Одного убали...
— Сергей Петровича?
— Сергей Петрович жив...
Окастого приехали окружи,
Застычиво немал детвора
Его ведёт до крайнего двора.
Помогую шагающему радом:
— Не учитьсе?...
— Нет, учивсе...
— Но как?...
— Сперва учитель приходил к нам надом,
Потом отвоёвал для нас барак,
А нынче вёселись пошли дела,
Вновь строят школу.
В том конце села...

3

— Я к вам, Сергей Петрович!..
С тёмной давки
Поднялся и шагнул седой старик.
Он к поселенцам явно не привык.
Валгнул в глаза мне,
Поглядел на справки...
— Из Ленинграда?
Чем могу служить?
Надолго к вам?
Совсем или пожить?
— Вы помните, училиса тут Поболони?
— Их было двое...
— Младший, Емельян.
— Ну, этот был судьбой не обезалоен:
Самолубие,
Талантлив,
Совоюзел...
Он в памяти у здешних поселен...
Я не скажу, на фронте он каком,
Но, говорит, командует полком!
Я промочал о гибели комбата.
А он — своё:
— Развехались ребята!
Срок наступил — покинули село.
Войною всех по свету размело...
Он говорил с почти отцовской лаской.
Шагнул к стене...
Привычный взмах руки,
И я Берлин увидел под указкой:
— Пришли сюда
Мои ученички!..

...Ты их учи, что нет светлей и краше
Того, что нам с рождения дано.
Ты сделал так,
Чтобы «моё» и «наше»
Раз навсегда
Снялось для них в одно.
Ты их учи стоять за наше братство,
За общий труд
И общее богатство.
Ты лёгкой жизни им не обещаа.
Сам труженник,
Ты их учи трудиться,
Учи держать и к подлуню стремиться —
Учи всему, что Ленин заещал.
И вижу я, как с вогадаси: «За юности —
Ты вывел в поле
Свой шумливый класс,
Как небо
В смысле ребячьих глаз
Себя узнало раннее весною!
Как ты нашёл с ватагой говорливой,
Впервые позицией бытий,
И вёс, ваш мир —
Просторный и счастлианный —
Наглядное пособие твоё!..
Там, в Пруссии, водчат растит волчина:
«Схватит» «Убейт» «Чужой кусок мяклет!»
А здесь огнём горят ребячьи лица,
Родимый ветер вёс им с полей!
Года ядут.
Дестягные дантис
Нестягива война учителей.
И в час,
Когда герой-освободитель
Вернётся в край,
Что с детства сердцу миа,
Подумает при встрече с ним учителе:
«Ну, вот и всё...
Вот и я победил...»

5

Посёлок спит.
А я глажу украдкой,
Как в валежках и старой подяжке
Старик сидит над школьным тетрадкой
С карандашом хамическим в руке.
Взгляну то рассени,
То опять приурючу.
Доб то разгадал,
То опять шахмурен.
Сарабётся мышь...
Сверкает седина...
Наверно, так разглядывал Минчурин
Перед второй посалодкой семени...
Тетрадь в козусу,
Круглый детский почерк.
Поля в пометках:
Первые грехи...

Я думал дать о вас в газету очерк,
Но, видимо, получатся стихи.

«ЛЕНИНГРАД».

Фотоэтид Б. КУДОЯРОВА.

ВОСПОМИНАНИЯ О МАМИНЕ-СИБИРЯКЕ

В 1888 году к моему отцу, жившему тогда со своей семьей в Москве, пришла но известный мне ранее пожилой человек. Это было вечером. Гость остался у нас к чаю, и я был ему представлен. Обобщая он со мной ласково, расспрашивая, какие книги люблю читать, и между прочим спросил:

— Из Мамине-Сибиряке что-либо читали?

Я признался, что ничего не читал. Ну, вот теперь прочтите. У нас в типографии будут издаваться четыре тома лучших его произведений.

Я стал прислушиваться к разговору отца с посетителем, фамилия которого была Пономарев.

Отец встретился с ним в обществе. Их знакомство укрепились на почве общего желания издавать произведения передовых писателей того времени.

За пять лет до этого отец, имевший маленькую ручную типографию, которая была для него подобным промыслом при скудном жаловании межowego землемера, продал ее печатубоуажному товариществу М. Г. Кузнецова. Одновременно это товарищество приобрело типографию по больше, принадлежавшую Пушкиреву. Оба предприятия соединили, и отцу предложили быть управляющим всей этой типографии, занимавшей теперь три этажа большого дома.

— Мамину-Сибиряку необходимо помочь, — говорил Пономарев. — Это большой талант. Он прекрасно знает Урал. И произведения у него прекрасны. Они и произведения рабочих и заводчиков, которых почти никто до сих пор в литературе не показывал. Я предлагаю вам, Дмитрий Афанасьевич, — продолжал он, — помочь этому писателю, чем только

будет возможно. Давайте вместе печатать его книги. Вы дадите типографию, и возьму на себя стоимость бумаги и прямы меры к тому, чтобы книжка разошлась как можно скорее.

Отец охотно согласился на это и сказал, что несколько не сомневается в том, что книги пойдут хорошо. Немедленно установил формат книги, выбрал шрифт и оставил небольшое условие, которое подписал отец и Пономарев.

— Когда же можно будет начать работу? — спросил отец. — Мне кажется, не следует это дело откладывать.

— Я привез почти совершенно готовые два тома «Уральских рассказов», — ответил Пономарев, — в том порядке, который сделал сам Дмитрий Наркисович. Если он пожелает что-либо изменить или вложить в них поправки, мы это сделаем в корректуру.

— Вот и прекрасно! — сказал отец. — Давайте мне эти рукописи, я испрошу разрешения в цензурном комитете на предварительный набор.

Условились, куда посылать корректуру. И тут я услышал, что писатель сам скоро приедет в Москву и обязательно зайдет в типографию, так как хочет наблюдать за печатанием книг.

Для этого два отец пришел домой вызвонованный. Когда мы сели всей семьей за стол пить чай, он рассказывал матери о посещениях цензурного комитета. Там высказали удивление, как это он, чиновник государственной службы, берется издавать книги писателя, который известен своими левыми взглядами. — Но, несмотря на предупреждение и угрозы,

Д. Н. Мамин-Сибиряк.

закончил рассказ отец, — мне всё-таки дали билет на предварительный набор. Завтра мы приступим к работе над первым томом «Уральских рассказов» Мамине-Сибиряка...

Я внимательно следил за разговором. В мой юношеском уме (мне шёл тогда шестнадцатый год) возник образ свирепого цензора, который, возмущившись пером и красными чернилами, переорёкывает границы книги Мамине-Сибиряка.

С истерическим ждал я приезда к нам самого писателя. И до встречи решил познакомиться с его рассказами. Я стал знаком с корректором Арсеньевым, очень хорошим и демократически настроенным человеком, что, когда повстанет первые границы, я буду ему помогать следить их с оригиналом. Арсеньев охотно согласился. В разрешении отца я не сомневался. Он никогда не препятствовал мне в этой работе. Его дозволено, что и приучало к полевому труду.

И вот однажды, когда я был в конторе и сидел около столика Арсеньева, метр-наж типографии торжественно привёс большую ленту только что отпечатанных и приятно пахнущих свежей краской гранок.

— Это Мамин-Сибиряк, — сказал он. — Поздравляю вас! Прекрасный автор. Наборщики набивают с большим удовольствием. Иногда так заинтересовывались, что начинали читать вслух.

Нечего и говорить, что эти слова пробудили у меня ещё больший интерес к Мамину-Сибиряку. Мне не терпелось приступить к работе, но гранки, как назло, не сохли, и я разложил их на грубы парового отопления.

— Вы что-то гордитесь, молодой человек, — сказал Арсеньев. — И знаете, что, по правилам, мы должны читать гранки в порядке их поступления. А у меня лежит ещё книжка Маркуева по огородничеству и доклад хирургического магистра Раумова и Шаларь. — и он широко улыбнулся, затягиваясь огромной папирсой-кручёной, вставленной в длинный самодельный тростниковый кудильник.

Я умоляюще посмотрел на него и робко сказал:

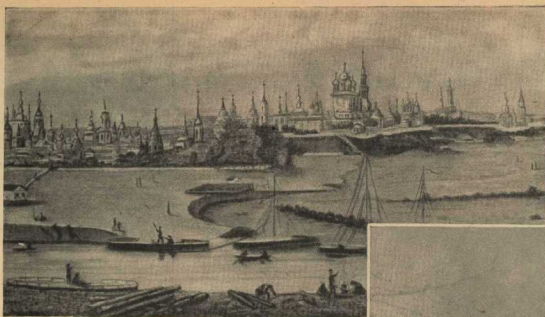
— Давайте считать эту работу экстренной.

Писатели (слева направо): И. Бунин, Д. Мамин-Сибиряк, М. Горький и Н. Телешов (снимок сделан в 1900 году в Ялте).

На снимке слева — старинная гравюра — вид города Рязани; в центре — древний собор; внизу — современная Рязань — улица Ленина.
Фото Г. Борисова.

И. АРАЛИЧЕВ

Рязань

В этом году исполнилось 850 лет существования Рязани. После слова «Москва» немного есть слов, которыми мы, современники, с трепетом прикасаемся к прошлому России. И если «Рязань» — одно из них, то потому, что оно тесно связано с героической историей русского народа.

Страж древней Руси на юго-востоке, Рязань в течение нескольких веков вела упорную борьбу с набегами кочевников. В 1150 году рязанцы побили половцев на реке Великой Бороле, в 1199 году прогнали их к берегам моря и прошли вдоль всей придонской степи. Однако набеги кочевников не прекращались. Завидев густое облако пыли или отдалённое зарево пожара, народ спешил собрать свои семейства и стада, захватывая то, что можно было унести с собой, и, если устоял, спасался в соседние леса. Хижины доставались в жертву огню, небранная жатва исчезала под копытами вражеских коней...

Рязань приняла на себя и первый удар полчищ Батия, пришедших русскому народу неисчислимы беды и страдания. Живым орудием на события татарского нашествия является незаурядная воинская повесть «О приходе Батия на Рязань».

В начале зимы 1237 года орды Батия из страны волжских болгар направилась к Козляку, прошла степью мордовские «дебри» и расположилась станом на реке Оутзе (приток Суры). Шумели несметные толпы завоевателей. Ревели верблюды, дыми костры поднимались к небу столбами. Отсюда Батий отправил к рязанским князьям послов. Посольство чингисханова шука

Батия — ежена-чарейница и с нею два мужа, лицом жёлты, одеты в верблюдынскую шкуру, потребовали десятого во всем, десятого в князьях, десятого в людях, в конях, в бурях, в рыжках, в ветгах».

Летописи сохранили нам прекрасный, мужественный ответ рязанских князей: «Коли нас не будет, то всё ваше будет». Ответ тем более замечательный, что помощи было ждать некуда.

Князь Рязанский Юрий Игоревич и его родичи, державшие столы в городах Владимирском и к князю Черниговскому, а сами тем временем соединили свои дружины и в чужбину направилась к берегам реки Воронеж. Были предприняты также и дипломатические шаги. Желая выиграть время, князь Юрий послал к Батю торжественное посольство со своим сыном Фёдором во главе. Посольство везло Батю богатые дары и должно было просить его «не воевать Рязанскую землю». Посольство успеха не имело. Фёдор погиб в татарском стане. Не ввязываясь и помочь.

Татарские орды хлынули на Рязанскую землю... Пять дней и пять ночей стояли рязанцы на стенах своего города, «не переменились и не выпускали из рук оружия». На шестой день Батий приказал начать общий приступ. Город был взят, разграблен и сожжён, а все защитники его и обитатели, в том числе князь Юрий, убиты.

Не только сама Рязань, но и многие города Рязанской земли, не говоря уже о селах, были стёрты с лица земли. Батий занял на Рязань в 30-х годах XIII века, но ещё в конце XIV века путешественники видели развалины городов

О языке и культуре речи

Белгород, Ижевская, Борисово-Глебова и другие.

Мстателем за все обиды и поганыя, нанесённые Батыею Рязанской земле, выступит эпический богатырь Евлакий Коловрат. В то время он находится вместе с одним из рязанских князей на Черниговщине. Едва дождёт до него страшная весть о нашествии татар, Евлакий Коловрат спешит в родные места, но застаёт только пеленуша и невооружённые трупы.

Каждо место охватывает его. Уцелевшие рязанцы, взорвавшиеся из лесов, вступили в рать Коловрат. Собрав 1700 ратников, Коловрат вынужден войну, которую позже назвали патологической.

Нашествие Батыя на Рязань было наиболее опустошительным, но далеко не последним столкновением с татарами. Рязанцам ещё не раз доставалась от них за дружбу с Москвой. В 1377 году Рязанская земля испытывает набег татарского царевича Арлаши, и даже спустя два года после Куликовской битвы Рязань страдает от нашествия Тохтамыша.

Много испытаний выпало на долю Рязани, но они не сломали героический дух народа, жившего на её земле.

Отсюда вышли братья Прокопий и Захар Лыгуновы.

Сжижал на воеводстве в Рязанской земле, в Заревске князь Дмитрий Пожарский. Ещё до великого рязанского похода своего не раз показывал Пожарский верность отчизне. Был час, когда в Заревск к князю Пожарскому прибыли послы от поносединящихся к тушинскому самозванцу Коломы и Кашира. Многие жители Заревска требовали, чтобы он присягнул самозванцу. Но ни угрозы, ни посулы предателя не могли его поколебать. «Умру, но не изменю отчизне!» — ответил Пожарский. И сдержал своё слово.

Много замечательных деятелей науки и искусства, которыми гордится наша страна и весь цивилизованный мир, называют Рязань, вёшь рязань. Рязанская земля дала миру физиолога Павлова, прозводителя прамысла Мичурина, изобретателя ракетолана Циолковского, создателя новой науки — аэродинамики — Чепыгина, неутомимого географа Семёнова-Тян-Шанского, исследователя Алексея Заресина, гравера Павлова, скульптора Голубкину, писателя Новикова-Прибоя. Автор музыки советского гимна профессор Александров и певец Александр Пругов с гордостью считают себя рязанцами и не теряют связи с родными местами.

Но знает рязанская природа каких-нибудь особенных, невиданных красок. Такие же радуги тут половецкие, как и в колду в России, так же поют ледяные жаворонки, а зимой свистит снежная зюльга. Но именно здесь повывалась чудесная лирика Сергея Есенина, и в селе Константиновке живёт ещё мать поэта, которой он посвятил лучшие свои творения.

Поздней осенью 1941 года, как и в глубокой древности, рязанская земля снова узнала нашествие врага. Передовые немецкие авиальсты были в нескольких десятках километров от Рязани. Но жизнь — скромная, трудовая, героическая — шла в городе своим чередом.

Восемьдесят восемь Героев Советского Союза дала рязанская земля, и каждому из них гордится город.

За годы войны Рязань удвоила продукцию своих фабрик и заводов.

Рязанская земля принадлежала к отсталым, аграрным районам царской России. Сейчас в Рязанской области работают 84 машино-тракторных станции с тысячами тракторов, множествен комбайнов. Было время, когда рязанцы не хватало хлеба на круглый год. Сейчас область сама поставляет хлеб стране. И уже не рожней славится теперь Рязань, а пшеницей, рысаками, продуктивным молочным скотом.

***

«Пшеница цвели пышней весной яблоневые сады над Окой. Буйные русские лето стояло пынце на рязанской земле: ливни и буря, туман и зной. Всего уродила в этом году земля. Шумны багры. Сельские выгоны зарпужены так, что яблону негде ухнуть. А вот по пыльному шпынку идёт солдат. Поблещивают медали на его груди, и счастье нависло у него на лице. Он победил и вернулся домой, на благословенную и милую рязанскую землю...»

Карл пятый римский император говаривал, что итапским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он по Российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присоуждали бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём великолепие итапского, живость французского, крепость немецкого, нежность итапского, сверх того богатство и силённу в избранных краткость греческого и латинского языка.

М. ЛОМОНОСОВ «Предисловие к «Российской грамматике».

Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы.

М. ГОРЬКИЙ «Разрушение личности». Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

И. ТУРГЕНЕВ «Русский язык». Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч.

В. И. ЛЕНИН «Нужен ли обязательный государственный язык?»

Да будь я и негром преклонных годов,

и то без унынья и лени

и русский бы выучил

то чм только за то,

что им разговаривал Ленин.

В. МАЙКОВСКИЙ «Нашему юношеству».

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка.

А. ПУШКИН «Заметки об «Евгении Онегине».

Берётся итапский язык. Язык должен быть прост и точен.

А. П. ЧЕХОВ. Письмо Александру Чехову.

Самые важные вещи надо говорить как можно проще. Ничто так не портит их, как высокопарность.

ЛАБРИОЕР «Характеры».

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мысли и мысли, — без них блестящие выражения ни к чему не служат.

А. ПУШКИН.

Правилу слезуй упорно: Чтбы слова было тесно.

Мыслям — простору.

Н. НЕКРАСОВ «Формы».

Когда Владимиру Ильичу приходилось работать над какими-нибудь сочинениями, доклады или заявлениями, которые должны были обратиться к широкому массам, то он всегда поиниал сам и требовал такой же памяти от других, что всё это идёт именно в массы, а поэтому должно быть особенно тщательно просмотрено, особенно популярно, во отвезде не вульгарно написано. Если он видел, что изложение страдает отсутствием популярности, то всегда спрашивал: «Нужны ли по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богат. Если вы этого не делаете, то виноваты вы сами, а не тот язык, на котором вы пишете...»

Он терпеть не мог... усвоенный и не русский язык, который часто был настолько белес, труден, скучен и неясен, что Владимир Ильич не однажды восклицал при чтении газет: «На каком языке это написано? Тарабарщина какая-то! Воляков, а не язык Толстого и Тургенева».

В. БИЧ-БРУЕВИЧ «Как работал Владимир Ильич».

Лёгкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжёлое дело, у кого это же делается как-то само собой, как бы физиологически. Слово — что походка: она ступает всей своей ступней, а шаг его едва слышен, другой крадётся на цыпочках, а пад ним пол дрожит.

В. КЛЮЧЕВСКИЙ «С. М. Соловьёв как преподаватель».

Язык народа — лучший, никогда не уступающий и вечно вновь разпуксающийся цвет всей его духовной жизни.

К. УШИНСКИЙ «Родное слово».

В зимний день.

Фотограф А. Скучихина.

ФИЛЬМ О СМЕНЕ

Кадр из фильма «Здравствуй, Москва». Желя Безеда в танце «Тройка».

Одним, рассказав Сергей Юткевич, постановщик кинокартин «Здравствуй, Москва», я поволила в съёмочную группу на киностудию «Мосфильм». Молодой, звонкий голос, сказав, что все находится на съёмке, дал мне несколько толковых ответов по интересовавшим меня вопросам. Мой явный собеседник был хорошо осведомлён о всех деталях постановки. На вопрос, кто со мной говорит, после небольшой паузы я услышала:

— Временный актёр.

— Кто? — переспросила я.

— Ну да, временный актёр... Тут про нас, ремесленников, снимают картину. О том, как мы живём, работаем, ну, и, конечно, про нашу самодеятельность. А мы все главные роли играем...

Так я получила семя и не очень плодотворно, то, как позднее выяснилось, вполне точную информацию о картине «Здравствуй, Москва», посвящённой молодому пополнению рабочего класса — учащимися ремесленных училищ.

В дни всеозонного смотра художественной самодеятельности школ трудовых резервов возникла идея снять музыкальный документальный фильм. Но, после того как режиссёр Сергей Юткевич поближе ознакомился с ребятами, после первых встреч и бесед с ними, он понял, что было бы обидно ограничиться только эротическим очерком о самодеятельности.

— Тогда мы решали, — рассказывает С. Юткевич, — сделать игровой художественный фильм о ремесленниках в дни войны, с тем чтобы эпизодами художественной самодеятельности были органически включены в драматургическую ткань фильма. Кинодраматурги М. Вольпин и Н. Эрлиман, которые согласились написать сценарий, нашли удачные драматические конфликты, в которых живо раскрывались черты нашего молодого поколения. Получилась повесть о приключенческой группе ремесленников из небольшого города, мечтающих поехать на смотр художественной самодеятельности трудовых резервов в столицу.

Перед зрителем пройдёт галерея весёлых, талантливых, трудолюбивых советских ребят. Они различны по характерам, вкусам,

— Господи! Так ведь и же та самая девочка, у которой был баян утерян. Помнишь?

— Ой, девочки, ты говори, говори, да не заговаривайся. Ты кино «Белая-Белая девочка» смотрела?

— Смотрела, дяденька, а что?

— Так вот как бы и тебе вторую серию не поведать. «Белая-Белая девочка», да все вышла. А звал! Брысь отсюда, она тебя...

Кадр из фильма «Здравствуй, Москва». Нина Стравинская в роли Тани и артист С. Филипов в роли Брыкса.

— А интересно: сколько в Москве наметчиков?
— Лицач и даже пять штук: Пушкин — два, Гоголь — два, Машин — три, Полежаеву — четыре и Тимирязеву — пять.
— А Тимирязев — это кто?
— А ты разве не смотрел кино «Профессор Полежаев»?
— Полежаев? Это какой Полежаев?
— Ну, Чарковос.
— Черкашев? Это Суворов?
— Да нет, дяденька! — Александр Невский.
— Так это же Нина Гривина?
— Ну да. Вот он и есть Тимирязев.
— Теперь понятно. Так бы сразу и говори, что «Дежурат Балтийск»...

Кадр из фильма «Здравствуй, Москва». Олег Борзов и Виктор Селезнёв в эпизоде «Мечты о Москве».

Кадр из фильма «Здравствуй, Москва». Нина Стравинская в роли Тани, внучка мастера.

темпераменту. Разными их мечты, поведение, но основные моральные качества советского молодого человека — патриотизм, преданность идеям Ленина — Сталина, чувство долга и ответственности — свойственны всем героям нашей картины.

В будущем фильме мы хотим показать, как велика роль искусства в формировании характера юношества, какое огромное значение имеет художественная самодеятельность в воспитании молодой рабочей смены.

Почти все исполнители ролей в картине — учащиеся различных ремесленных училищ. Они обладают обаянием и непосредственностью молодости. Надо видеть, с каким неподдельным воодушевлением снимались они в сцене любви голубя, случайно залетнего в хвост, с какой любовью ищут, с каким интересом изучают номера, с каким чувством читают и воют!

В конце фильма будут показаны лучшие индивидуальные и коллективные номера художественной самодеятельности трудовых резервов. На этом заключительном концерте выступит и герои нашего фильма, добившиеся осуществления своей мечты и приехавшие в Москву.

В кинокартине, которую снимает оператор М. Магидасов, играют и профессиональные актёры: С. Филипов (баянщик), И. Любецкий (директор ремесленного училища) и Л. Пирогов (старший мастер). Работа над постановкой подходит к концу, и мы надеемся, что в недалеком будущем картина выйдет на экраны.

***

...Режиссёр Сергей Юткевич в своей беседе упомянул об одной интересной подробности: снимая фильм о доблестном труде молодых рабочих, коллектив картины показывал образцы чёткой, организованной работы и в течение трёх месяцев держит переодически красное знамя лучшей группы «Мосфильм». Об этом мне тоже сообщили по телефону мой случайный коллег, собеседник — «временный актёр».

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Смыслова.

В сентябре состоялся радоматч между шахматистами СССР и США. С каждой стороны выступало по 10 сильнейших шахматистов. Встреча закончилась крупной победой советской команды, выигравшей матч со счётом 15½:4½. Призюдам несколько партий, игравших в этом интереснейшем состязании.

Красивая атака

Партни радоматча програсава в острой и напряженной борьбе. Красивым финалом завершилась встреча Декард — Ботвинник.

Чёрные: Ботвинник.

Белые: Декард.

19. ... d4 — d3
Сильная атака. Чёрные угрожают ходом 20. ... Фс5+ выиграть слона, а на 20. Ф:d3 последует 20. ... Кс6. Так же недостаточна защита 20. С:c3 Ф:c3 21. Ф:e1 ввиду 21. ... d2 22. Ф:c3 С:c3 23. Ф:c3. Ф:c4, и чёрные остаются с лишней фигурой.
20. Фb1 — c1 c8 — c5+
21. Крg1 — h1 Фс5 — b5
22. Фe1 — f4 Лh8: h2+!
Эффективная жертва, быстро приводящая к цели.
23. Крh1: h2 Лh8 — h8+
24. Фf4 — h4 Лh8: h4+
25. Сg5: h4 Фd6 — f4
Белые сдались.

Острый финал

Интересное положение возникло в партии Смыслов — Решевский, где ладья и два слона белых борются против ферзя и грозных проходных пешек чёрных.

Чёрные: Решевский.

Белые: Смыслов.

29. Сg3 — e5! b5 — b4

30. Сd5 — b3 Лd8 — d2

31. f3 — f4 ...

Угрожал 32. Л:d2 Ф:d2
32. Лd1, и у чёрных нет спасительного шаха на h6.

31. ... h7 — h6
32. Лd1 — b1 Лd2 — f2

Изобретательно. В случае 32. ... Фd2 чёрный ферзь выключается из игры, а мато последует 33. f5 с сильной атакой.

33. Лf1 — e1 Фb2 — b2
34. Лh1 — d1 Фd2 — d2
35. Лd1 — d8+ ...

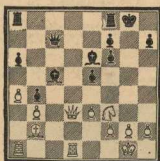
Белая ладья проникла в тыл к чёрным. Тенерь чёрный король попадает в матовую сетку.

35. ... Крh8 — h7
36. Сb3 — c8+ Крh7 — e6
37. Лd8 — d6+ Крg6 — f5
38. Сg8 — e6+ Крf5 — g6
39. Сe6 — d5+ Крg6 — h7
40. Сd5 — e4+ Крh — e8
41. Сe4 — g6! Сдаётся.

Комбинация Флора

Хорошо использовал ошибку Горювана Флора.

Чёрные: Горюван.

Белые: Флор.

Б отстав на естественное 17. ... Сс8 — e6, Флор затеял комбинацию.

18. Сd2: e5! f6 — e5
19. Кf3 — g5 Крg8 — g7
20. Фd3: h7+ Крg7 — f6
21. Кe5 — e4+ Крf6 — e5
22. Фh7 — h4+ f7 — f6
23. Лd1 — c1 ...

отпрыгивая фигуру и оставляя с лёгкостью выигранным положением.

23. ... Лh8 — e8
24. Лe1: e5 Фe7 — b8
25. f2 — f4 Лc8: e5
26. Ke4: c5 Фh8 — b6
27. Кe5: e6 Фb6 — e3+
28. Крe1 — h1 Крe7: e6
29. f4: e5 f6 — e5
30. Фh4 — g4+ Лh8 — f5
31. Фg4 — g6+ Лf5 — f6
32. Фg6 — e6+ Крe6 — f5
33. Лa1 — f1+ Сдаётся.

Рваный Горюван

На следующий день Горюван взял красивый рваный.

Чёрные: Флор.

Белые: Горюван.

25. Кg3 — f5 e5 — e4
26. Сc3 — b5 ...

Прекрасно сыграно! Тенерь Флору не избежать материальных потерь. Нехорошо 25. ... Сe7 из-за 27. Ф: g4 К: g4 28. Кg7+.

Не спасает и ход в тексте.
26. ... Лe4: g2+
27. Фd3: g2 Фe6: f5
28. Лd2 — d8+ Лh8: d8
29. Лd1: d8+ Крe8 — e7
30. Фe2 — g3 Кf6 — d7
31. Сb6 — c7 Фd5 — d5
32. c3 — c4! Фd5 — g5
Переход в эндшпиль не облегчает положение чёрных. Образую-

вался проходная пешка на h5, которую чёрные не могут взять.

33. Фg3: g5+ h6: g5
34. Лh8 — a8 Крe7 — e6
35. Сc7: a5 f7 — f5
36. Ca5 — c3 f5 — f4
37. a4 — a5 g5 — g4
38. b2 — b4 f4 — f3
39. Сc3 — d2 Крe6 — f7
40. Лh8 — a7 Сдаётся.

Решения этюдов

Этюд Рети (№ 12)

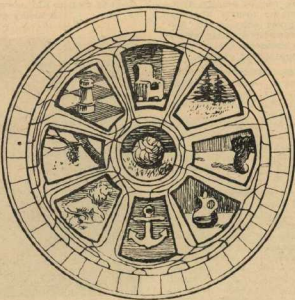
1. Кр g7 — f7 Ca5 — c3 2. d4 — d5! e5: d5 (Конечно, не 2. ... e: d, так как тогда белые пешки становятся слишком опасными). 3. Сc5 — b5 Кр d7 — d6 4. Кр f7 — f8 Сc3 — b2 5. Крf8 — f7, и ничья. Замечательная позиция, где чёрные не могут выиграть несмотря на свой материальный перевес.

Этюд Горювана (№ 13)

1. h5 — h6 Кр f6 — f7 2. e2 — g4! f4: g3 3. f2: g3 e4 — e3 4. g3 — g4 e3 — e2 5. g4 — g5 e2 — e1 Ф6: g5 — e6+ Кр f7 — f6 7. g6 — g7 Фe1 — e7 8. Кр h7 — f8 Кр f6 — e6 9. g7 — g8f+ Кр g6: h6 10. Фg8 — e6+ Фe7: e6, пат. Известная патовая комбинация подготавливается тонкой иступительной игрой в пешечном этюде.

ГОЛОВОЛОМКА

Составил О. Золотухин.

Отвечите первому и последнюю буквами слова, составляющего название каждой картинки, по соответствующей «дорожке» в клетку наружного кольца, и вы прочитаете завет великого советского поэта и его фамилию.

Ответственный редактор — Борис ВОИТЕХОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

А 23077. Подписано к печати 20/ХII—45 г. Формат 21x110 см. 2½ печ. л. Зв. в печ. л. 98.000. Тираж 30 000 экз. Изд. № 578. Зав. № 2374.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

«Утро».

«Девушка в плаще».

СКУЛЬПТУРЫ Е. БЕЛАШОВОЙ

Два года тому назад молодой скульптор Екатерина Белашова приобрела широкую известность своей статуей «Инокорённая».

Зрители художественной выставки «Фронт и тыл» унесли с собой драматический образ русской девушки, одной из бесчисленных пленниц фашизма, покорявший глубокой задушевностью. Жалость и одновременно гордость — вот какие чувства вызывала облик этой измождённой девочки. Жалкая одежда, колеблемая ветром, напоминала о голоде и холоде, о нравственных муках, которые ей пришлось испытать. Но гордый, упорный взгляд, напряжённый жест руки говорили о величайшей стойкости и вере, давшей этой дочери советского народа силы пройти непобеждённой через все испытания.

«Девочка в матроске».

Об умении скульптора подойти к человеку со своими «творческими ключами», показать, каков душевный склад этого человека, говорят все произведения, созданные Е. Белашовой. Эмоциональность — вот основа её творчества. Причём всегда скульптор идёт от природы, от острого жизненного наблюдения.

Е. Белашова работает в области портрета и в области фигурных композиций. Вот её девушка в развевающемся плаще. Как динамичен этот образ, вылепленный энергичной рукой! Душевную умиротворённость, ощущение пробуждающейся новой жизни вызывает другая работа скульптора, выполненная для Всесоюзной художественной выставки и также воспроизводимая на этой странице. С радостью и надеждой идёт молодая мать как бы навстречу грядущему дню мирной жизни...

Цена 2 руб.

Артисты Большого театра СССР Ольга Лепешинская и Александр Руденко в балете «Дон Кихот».

Фото А. Гаранин